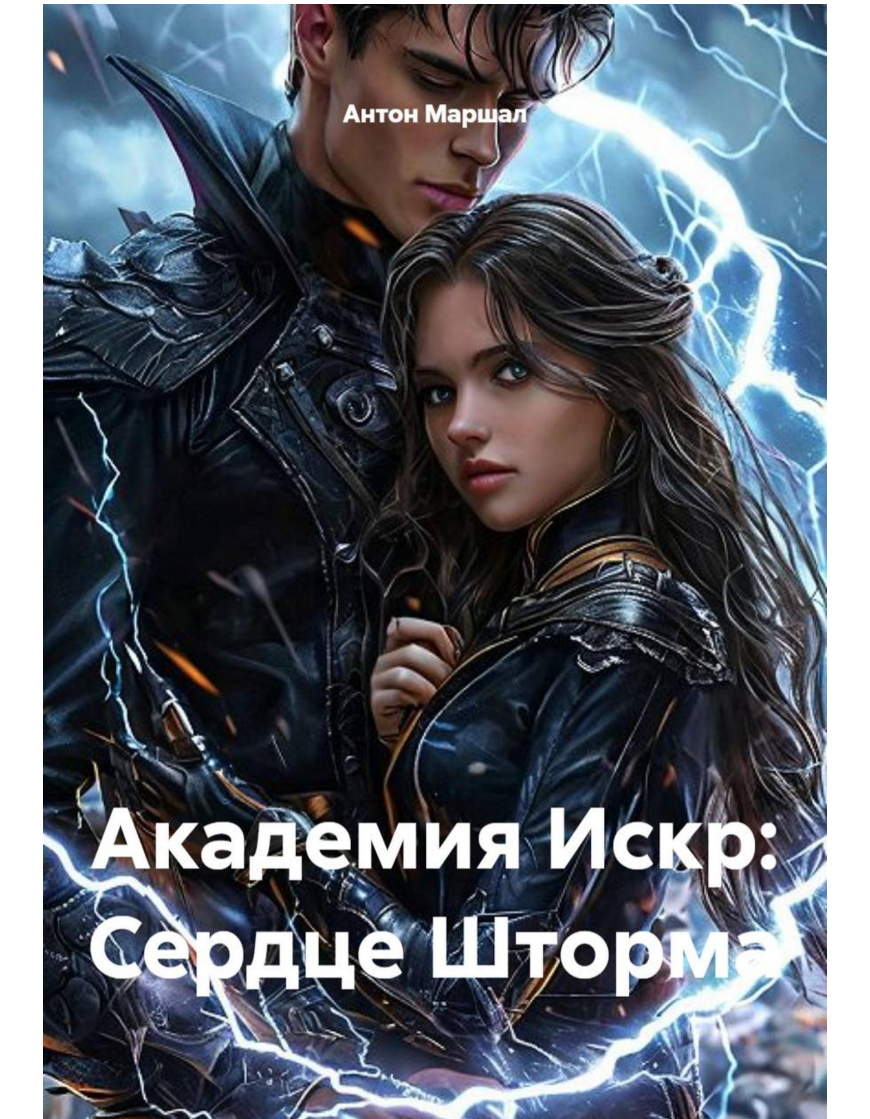

Антон Маршал

Академия Искр: Сердце Шторма

Антон Маршал

Академия Искр: Сердце Шторма

<https://litres.ru/74090358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вот аннотация, сокращённая до 1000 символов с пробелами:

Амелия Райт — «штормовой ноль»: магии нет, но вокруг неё всё рушится и бьют молнии. Дамиан Блэквуд — ледяной принц Академии «Око Бури», его сила гасит любые эмоции. Когда ректор назначает Амелию его ассистенткой, Дамиан уверен, что избавится от дерзкой обузы. Но одно случайное прикосновение запускает запретный Резонанс — между ними вспыхивает буря, а Дамиан впервые за десять лет чувствует тепло. Их связь может подарить немислимую мощь или уничтожить обоих. Академия плетёт интриги, и тайна происхождения Амелии грозит перевернуть мир. Первая книга цикла, где от ненависти до любви — одно касание, а поцелуй вызывает ураган.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Антон Маршал Академия Искр: Сердце Шторма

Глава 1

Глава 1. Девушка, притягивающая молнии

Я всегда знала: когда всё идёт слишком гладко — жди беды.

Но в то утро, стоя на краю плавучей платформы высоко над землёй, я ещё не догадывалась, что моя личная катастрофа уже вылетела из гнезда и пикирует напрямик на Академию «Око Бури». Вернее, на меня.

Ветер на высоте трёх тысяч футов пах озоном и солью — словно небеса мешали дыханию океана с предгрозовой сухостью. Платформа дрожала под ногами, хотя стабилизирующие кристаллы, вплавленные в золотистые перила, светились ровным бирюзовым светом. Вокруг толпились абитуриенты: шёлковые мантии, фамильные перстни, волосы всех мыслимых цветов радуги, — всё это кричало о деньгах, родословной и магии. Стихийной, эмоциональной, живой. Той

самой магии, которую я никогда не чувствовала.

— Смотрите, это же Рейнхард Эшер! — взвизгнула девушка с фиалковыми локонами, едва не толкнув меня плечом. Я вовремя отшатнулась, пряча инстинктивную дрожь в пальцах. Прикосновения я не любила до скрежета зубов — каждая случайная рука, каждый тычок отзывались внутри тошнотворной вспышкой паники. Спасибо, как говорится, моему тёмному прошлому.

— Говорят, его эмоциональный спектр — чистое золото, — подхватила вторая. — На вступительных он покажет бурю восторга, и его сразу возьмут на факультет Воздуха.

Бурю. Я усмехнулась про себя. Буря — это по моей части.

Рейнхард Эшер — высокий парень с волнистыми светлыми волосами и ленивой улыбкой — стоял у самого края, окружённый свитой. Он поймал мой взгляд и подмигнул. Я ответила ровным, ничего не выражающим лицом. Нет уж, дразнить фортуны сейчас не ко времени. Моя задача — просто пройти испытание. Поступить любой ценой. Потому что второго шанса у меня не будет.

Облачный корабль «Альбатрос», доставивший нас сюда, уже исчез в туманной дымке. Академия вырастала из грозо-

вых облаков, будто ледяной замок из старых легенд. Парящие острова, соединённые хрустальными мостами, сияющие шпили, вонзавшиеся в вечно клубящееся небо, и купол — огромный мерцающий купол из чистой магии, удерживающий внутри саму бурю. Говорили, что «Око Бури» стоит в центре урагана, который не утихает уже пятьсот лет, и что каждый студент учится повелевать эмоциями, чтобы выжить в этой колыбели хаоса.

Я сжала лямку потёртого рюкзака. Мой багаж составляли: смена белья, запасная куртка, нож с костяной рукоятью — и аномалия, которую я таскала за собой всю жизнь. «Штормовой ноль». Так меня окрестили деревенские маги. Человек, в чьей ауре не теплится ни искры дара, зато вокруг которого всё ломается, трескается и взрывается. Я притягивала кактаклизмы. И поступить в Академию эмоциональной магии с таким «талантом» — всё равно что попроситься в библиотекарю, будучи огнедышащим драконом.

— Амелия Райт! — прозвенел металлический голос. Кристалл-регистратор у входа на первый мост завибрировал, вы светив моё имя. Я вскинула голову.

Толпа расступилась. Взгляды прилипли к моей дешёвой куртке, к простым ботинкам на шнуровке, к волосам, затянутым в тугую хвост без единой магической заколки. Я при-

выкла к этим взглядам. Высокородные абитуриенты всегда чуяли чужака.

— Та самая, — прошептал кто-то. — Нулевая. Что она здесь забыла?

— Говорят, у неё письмо-приглашение от самого ректора Квинн.

— Невозможно. Ректор не приглашает пустышек.

Пустышек. Слово обожгло, но я сцепила зубы и шагнула на мост. Кристалл мигнул зелёным, пропуская. Под ногами загудело — мост был живым, сотканным из слёз радости и смеха, как объяснял справочник. Ступать по нему было мягко и жутковато.

За мостом раскинулась Центральная площадь Академии — огромный круглый двор, вымощенный плитами обсидиана. Посередине бил фонтан, но вода в нём текла вверх — струи поднимались в небо и растворялись в низких тучах. Серебристые здания с острыми крышами окружали площадь, а прямо передо мной возвышалась башня Экзаменаторов — чёрная, ребристая, похожая на застывший смерч. Там, внутри, решалась судьба каждого абитуриента.

Сердце бухало в рёбра. Я провела ладонью над левым запястьем — там, под тканью, белел старый шрам. Напоминание. Я не позволю себе провалиться.

Экзамен начался ровно в полдень.

Нас выстроили в длинной галерее. Каждому выдали браслет-идентификатор — тонкий серебряный ободок, считывающий эмоциональный отклик. Впереди, на возвышении, стояли пятеро магистров в серых мантиях и сама ректор Квинн. Высокая женщина с пепельными волосами, заплетёнными в сложную косу, и глазами цвета расплавленного серебра. Про неё говорили, что она способна прочесть эмоцию по одному биению пульса.

— Добро пожаловать, ищущие, — её голос звучал тихо, но долетал до каждого угла. — Сегодня вы покажете свою суть. Магия не подчиняется приказам. Она рождается из самого сильного чувства. Радость. Печаль. Страх. Гнев. Мы оцениваем не мощь, а искренность. Искра, зажжённая подлинной эмоцией, стоит больше, чем лесной пожар наигранной ярости.

Я смотрела на свои ладони. Подлинные эмоции? Их у меня хоть отбавляй. Но магия упорно не желала являться.

Первым вызвали того самого Рейнхарда Эшера. Он вышел в центр круга и широко улыбнулся. С него на глазах сошла маска ленивого богача — парень вдруг стал светлым, лучистым, как летнее утро. Он раскинул руки, и воздух вокруг зазвенел. Вспыхнули золотистые вихри, запахло полевыми травами, и над его ладонями заплясали крошечные фигурки птиц, сотканые из чистого восторга.

Толпа ахнула. Магистры переглянулись. Браслет Рейнхарда вспыхнул яркой лазурью.

— Прекрасно, Эшер, — одобрила ректор. — Факультет Воздуха ждёт вас.

Парень поклонился и, проходя мимо, снова мне подмигнул. Я не ответила. Зависть? Нет, скорее глухая тоска. Почему у всех получается, а у меня — только разрушения?

Следующей пошла та фиалковолосая девица. Она вызвала в себе печаль — настолько глубокую, что у меня защемило в носу. Слезы потекли по её щекам, и вокруг расцвели прозрачные лилии, пахнувшие дождём. Браслет засиял серебром. Факультет Воды.

Потом — парень с угрюмым лицом. Его гнев воплотился в языки пламени, которые он с трудом удержал в границах

круга. Браслет полыхнул алым. Факультет Огня.

Шло время. Абитуриенты сменяли друг друга. Я ждала, с каждой минутой цепenea. Наконец прозвучало:

— Амелия Райт.

Тишина упала, как топор. Я шагнула вперёд, чувствуя спиной перешёптывания и ухмылки. «Нулевая». «Пустышка». «Интересно, она заплачет или рассмеётся?».

Магистр в серой мантии указал мне на центр круга. Я встала, сжав кулаки.

— Расслабьтесь, Райт, — произнесла ректор, и её серебряные глаза впились в меня. — Мы ждём вашу эмоцию. Любую. Самую яркую. Не сдерживайтесь.

Самую яркую? Да я всю жизнь только и делаю, что сдерживаюсь. Потому что как только даю себе волю — что-то ломается. В прямом смысле.

Я закрыла глаза. Дыши, Амелия. Вспомни радость. Ту, чистую, когда ты впервые увидела горы? Когда бабушка подарила нож? Нет, магии нет.

Попробуй печаль. Смерть родителей. Образы вспыхнули: ночь, крик, кровь. В груди сжалось до боли. Но пальцы не засветились. Браслет остался тёмным.

— Продолжайте, — подсказал кто-то из магистров.

Тогда я открыла глаза и посмотрела на зрителей. На их лица: кто-то хихикал, кто-то скучал, кто-то сочувствовал. И вдруг внутри взорвался гнев. Чистый, раскалённый, отчаянный. Почему я должна доказывать, что чего-то стою? Почему они имеют право смотреть на меня как на грязь?

— Довольно! — бросила я, сама того не желая.

И в тот же миг пол дрогнул.

Сначала — лёгкая вибрация. Потом толчок, от которого ахнули все. Магистры переглянулись. Но я не успела испугаться — на меня накатила волна освобождения. Пусть. Пусть всё рушится.

Стеклянный купол башни треснул с оглушительным звуком. Осколки посыпались вниз, но я стояла в круге, раскинув руки, не думая о последствиях. Я не колдовала — я просто была собой. А вокруг меня бесновался хаос.

Стены галереи пошли трещинами. Свечи в канделябрах вспыхнули и погасли. Чей-то браслет засвистел, перегруженный сигналом. Один из магистров вскинул руку, создавая щит, но щит распался искрами. Ректор Квинн сделала шаг ко мне — и замерла, потому что прямо посреди зала, в трёх футах от меня, в каменный пол ударила молния.

Самый настоящий разряд. Ослепительно-белый, с фиолетовым отливом. Он выжег в обсидиане дымящийся след и ушёл в землю, оставив после себя запах грозы.

Я стояла невредимая. Только волосы немного встали дыбом.

— Это... это невозможно, — прошептал магистр-экзаменатор. — Нулевой уровень, но...

В наступившей тишине ректор Квинн медленно приблизилась ко мне. Её серебряные глаза смотрели не с ужасом, а с холодным интересом.

— Вы свободны, Райт. Остальным — перерыв тридцать минут. Восстановите защитный контур.

Я открыла рот, но ректор уже ушла. Меня окружили абитуриенты: одни испуганно жались к стенам, другие сверкали

возмущением. Рейнхард Эшер присвистнул:

— Ну ты даёшь, подруга. Я думал, меня гневом не удивить, но молния — это сильно.

Я не ответила. Меня била дрожь, но не от страха — от чего-то другого. От странной, почти наркотической эйфории, которая ещё гудела в крови.

И главное — браслет на запястье так и не засветился. Он по-прежнему был чёрным. Пустым.

Значит, магии во мне — ноль. Но тогда что это было?

Часом позже я сидела в кабинете ректора.

Помещение напоминало библиотеку и обсерваторию одновременно: стеллажи с фолиантами уходили под потолок, а сквозь стеклянную стену было видно, как за окном клубятся грозовые тучи. Квинн стояла ко мне спиной, глядя на бурю. Молнии играли в облаках, и казалось, она беседует с ними без слов.

— Вы понимаете, почему вас пригласили? — спросила

она наконец.

— Потому что я разношу всё в щепки?

Лёгкая улыбка тронула её губы. Она повернулась.

— Ваш феномен известен уже двенадцать лет. Вспышки деструктивной энергии без эмоциональной окраски, без магического резонанса. Вы — ходячая аномалия, Райт. И эта аномалия либо погубит вас, либо станет ключом к чему-то совершенно новому.

Я смотрела на свои руки. Шрам на запястье чесался.

— Вы считаете, я смогу поступить? — спросила я хрипло.

— Я уже зачислила вас, — ответила ректор. — Но не на факультет. Вы станете ассистентом одного из лучших студентов академии. Посмотрим, сможет ли его... особенность уравновесить вашу.

— Ассистентом? — я вскинулась. — Прислугой?

— Нет. Якорем, — Квинн произнесла это слово так, будто пробовала на язык яд. — Только не говорите пока никому. Официально — помощник с особыми обязанностями.

Вы будете сопровождать его везде, помогать с исследованиями. А он проследит, чтобы ваши «всплески» не разрушили академию до основания.

— И кто же этот счастливчик?

Ректор помолчала.

— Дамиан Блэквуд.

Моё сердце пропустило удар. Это имя я слышала даже в своём захолустье. Блэквуды — один из старейших родов, владеющих магией Подавления. Говорили, что они могут заморозить любую эмоцию, обратить в лёд любую магию. Сам Дамиан, старший сын, считался гением и ледяным принцем в одном флаконе. Высокомерный, замкнутый и смертельно опасный.

— Вы предлагаете мне стать нянькой для богатого сноба?
— вырвалось у меня прежде, чем я прикусила язык.

— Я предлагаю вам шанс, — отрезала Квинн. — Или вы принимаете мои условия, или покидаете Академию немедленно. И тогда, боюсь, ваш дар уничтожения проявится в каком-нибудь людном городе. С непредсказуемыми последствиями.

Я сжала кулаки. Выбора не было.

— Я согласна.

Квинн кивнула и протянула мне серебряную пластину с гравировкой — пропуск в корпус Блэквуда.

— Комната сто сорок четыре, западное крыло. Явитесь завтра к восьми утра. И помните, Райт: держите эмоции под контролем. Дамиан терпеть не может хаоса.

Я взяла пропуск и вышла. В коридоре прислонилась к стене, пытаясь унять колотящееся сердце. Держать эмоции? Легко сказать. Особенно если меня приставят к тому, кто одним взглядом, говорят, гасит любую страсть.

Следующее утро началось с мелкого противного дождя и ощущения, будто желудок свернулся в узел.

Я надела самую приличную рубашку, натянула куртку и отправилась в западное крыло. Академия внутри напоминала живой лабиринт: коридоры извивались, ступени сами подстраивались под шаг, а двери иногда меняли цвет в за-

висимости от настроения идущего. Моя дверь сегодня была стального серого. Не слишком гостеприимно.

Комната 144 находилась на третьем этаже. Я постучала.

Тишина. Потом дверь распахнулась сама — без скрипа, без предупреждения. Изнутри пахло морозом.

Я вошла и замерла.

Передо мной стоял Дамиан Блэквуд.

Он был выше, чем я представляла. Чёрные волосы, длинная чёлка, падающая на ледяные глаза — такого синего цвета, что казались подсвеченными изнутри. Тонкие черты лица, острые скулы, жёсткая линия рта. Одет в тёмно-синий мундир с серебряными пуговицами, на плечах — знак факультета Льда: снежинка в круге. От него веяло холодом в буквальном смысле — температура в комнате была градусов на десять ниже, чем в коридоре.

— Райт, — произнёс он, не здороваясь. Голос — низкий, с ледяной крошкой. — Явилась.

— Как видите, — ответила я, стараясь не стучать зубами.

Он обошёл меня по кругу, рассматривая, словно экспонат. Я чувствовала его взгляд кожей — тяжёлый, оценивающий, без капли тепла.

— Мне не нужна обуза, — сказал он. — Но ректор настаивает. Поэтому слушай правила. Первое: ты не прикасаешься ко мне. Второе: ты не разговариваешь без разрешения. Третье: выполняешь приказы мгновенно. Четвёртое...

— А можно без четвёртого? — перебила я, не сдержавшись. — Я запомнила.

Дамиан остановился. Взгляд стал ещё холоднее, если такое возможно.

— Ты забываешься, Райт. Я не потерплю дерзости.

— А я не потерплю хамства, — парировала я. — Меня не спрашивали, хочу ли я быть вашим ассистентом. Так что давайте установим взаимный нейтралитет.

С полминуты он молча смотрел на меня. Потом в уголке его рта что-то дрогнуло — не улыбка, нет. Что-то вроде интереса. Хищного, холодного интереса.

— Хорошо. Тогда слушай первый приказ: возьми бумаги

на столе и рассортируй по датам. Сегодня у меня важный эксперимент, и я не могу отвлекаться на бумажную волокиту.

Я кивнула и направилась к столу. Он развернулся, чтобы уйти в смежную лабораторию. И тут всё пошло не по плану.

То ли пол был скользким от инея, то ли собственная нервозность подвела, но я споткнулась. Прямо на пороге, зацепившись носком ботинка за металлический выступ.

— Осторож... — начал он, но договорить не успел.

Я полетела вперёд. Инстинктивно выбросила руку, чтобы схватиться за что-то. Этим «чем-то» оказалось его запястье.

Мои пальцы сомкнулись на ледяной коже Дамиана Блэквуда.

Мир взорвался.

Сначала — ослепительная вспышка. Бело-фиолетовая, режущая глаза. Потом — разряд, пронзивший меня от макушки до пят. Это было не больно. Это было... непередаваемо. Будто в жилы влили расплавленный свет. Я вскрикнула.

Он тоже. Его голос сорвался на низкий, удивлённый рык.

Вокруг нас засвистел ветер, хотя мы были в закрытой комнате. С полок посыпались книги. Лампа на столе лопнула, разбрызгивая искры. Воздух наполнился озоном и чем-то ещё — сладковато-горьким, как цветущая полынь. Я видела его глаза: расширенные зрачки, в которых плясали голубые молнии. Он смотрел на меня так, словно впервые увидел.

Мгновение растянулось в вечность. Я чувствовала, как его холод проникает под кожу, смешиваясь с моим внутренним штормом. В месте соприкосновения родилось тепло — жаркое, почти обжигающее, невозможное для Ледяного принца. Его пальцы дрогнули, сжались ответно.

А потом сила швырнула нас в разные стороны.

Я пролетела метра три и врезалась спиной в стеллаж. Дамиана отбросило к стене. Стекло в окне треснуло длинной извилистой молнией, повторяя рисунок настоящего разряда. На полу между нами чернела выжженная полоса.

Несколько секунд я просто лежала, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Прикосновение. Он ко мне прикоснулся. Вернее, я к нему. И меня не вывернуло паникой — было не до неё. Только этот невыносимый электриче-

ский разряд, перевернувший всё внутри.

Дамиан медленно поднялся. Его ледяные глаза метались от меня к собственной ладони. Он поднёс руку к лицу, сжал и разжал пальцы. На кончиках сверкнули искры — и погасли.

— Что... ты такое? — прошептал он. И в голосе не было холода. Только шок.

Я с трудом села. Голова кружилась.

— Сама хотела бы знать.

Дверь лаборатории распахнулась. На пороге стояла ректор Квинн. Когда она успела прийти? За её спиной маячили двое магистров.

— Конфликт стихий, — произнесла она спокойно, но в её серебряных глазах плескался триумф. — Я ожидала чего-то подобного. Блэквуд, Райт, вы оба целы?

— Вроде того, — выдавила я, поднимаясь.

Дамиан ничего не ответил. Он по-прежнему разглядывал свою ладонь с таким видом, будто она ему больше не принадлежала.

— Отлично. Тогда пройдёмте в лазарет. А потом мы обсудим новые условия вашего сотрудничества. Похоже, ваш резонанс гораздо сильнее, чем предполагалось.

Резонанс. Это слово тревожным колоколом отозвалось в памяти. Запретная техника. Кража силы через прикосновение. Я читала о таком в книгах, которые не стоило читать. Но там говорилось о вампирах, о смертельной опасности, о том, что резонанс уничтожает обоих участников.

Квинн уже вышла. Я повернулась к Дамиану. Он наконец-то поднял взгляд. Между нами по-прежнему висело напряжение — воздух буквально потрескивал.

— Ты что-то сделала со мной, — сказал он тихо, почти с обвинением. — Я почувствовал.

— Что именно? — спросила я, не узнавая свой голос.

— Тепло, — он выплюнул это слово как ругательство. — Я не чувствовал тепла десять лет. А ты... одно прикосновение — и всё горит.

Его глаза сузились, и я прочла в них не страх — злость. Дикую, обжигающую злость пополам с голодом.

— Что ж, Райт. Похоже, ты не просто обуза. Ты — бомба. И мы с тобой только что подожгли фитиль.

Он вышел, не дожидаясь ответа. А я осталась стоять посреди разгромленной комнаты, прижимая руку к груди, где всё ещё грохотало эхо того единственного прикосновения.

Первый день в Академии «Око Бури» только начался, а я уже успела превратить в руины лабораторию, разозлить Ледяного принца и, кажется, занять собственного магического якоря, связь с которым грозила стать чем-то куда более опасным, чем просто вступительный экзамен.

И знаете что? Впервые в жизни мне было плевать на разрушения. Потому что внутри меня, там, где раньше клокотала только пустота, теперь билась настоящая буря. И у этой бури было имя.

Дамиан Блэквуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.